

О.А. Кармадонов

РОЛЬ И МЕСТО СИМВОЛА В СОЦИОЛОГИИ ТОЛКОТТА ПАРСОНСА

Статья посвящена анализу одной из наиболее разработанных и перспективных трактовок символического в социологии, данной Толкоттом Парсонсом. Американский социолог уделяет главное внимание онтологии символа, создавая иерархию символических систем, состоящую из когнитивных, экспрессивных и оценочных символов, связанных с соответствующими мотивациями действия. Главной заслугой Парсонса является то, что он первый в социологии предпринял убедительную попытку «примирить» символ и со структурой, и с действием, снимая через символ традиционное противоречие между макро- и микросоциологическими парадигмами. Показательно, что в своих поздних работах социолог, рассматривая последние достижения в науке вообще, главное подтверждение своей теории действия находил именно в связи с ее символическим, знаковым компонентом.

Удивительно распространенным в среде отечественных социологов является убеждение в том, что «символ», как категория и объект анализа, присутствует исключительно в так называемом микросоциологическом, или качественном подходе. Так сложилось, что феномен символического ассоциируется прежде всего с интерпретативными социологическими теориями. Причинами этого заблуждения являются, возможно, как смутное понимание обществоведами самой символической проблематики, которую связывают, главным образом, с явлениями ментального, интерактивного характера, так и зачастую поверхностное знакомство с трудами «макросоциологов». Более того, иногда эти труды препарируются переводящими их на русский язык коллегами чересчур произвольным образом, причем содержание и целостность текстов редактируются весьма избирательно. Возникает ощущение, что символ, появляющийся в трудах основателей макросоциологической парадигмы, раздражает русских редакторов, также убеж-

денных в том, что данный феномен есть категория исключительно качественная, а потому, для «чистоты жанра», символ, по возможности, должен быть из данных переводов «вымаран»*.

Проблематика символического в связи с Толкоттом Парсонсом вспоминается, как правило, лишь тогда, когда речь идет о его концепции «символических посредников» (деньги, власть, влияние, и ценности), являющейся структурным элементом парадигмы взаимообмена. Между тем Парсонс, фактически, уделил символу в своих трудах внимания больше, нежели получил данный феномен в символическом интеракционизме (особенно в так сказать «послемидовском»**). Характерно в этой связи то, что Герберт Блумер, постоянно критикуя видение Парсонсом социального действия и структуры, совершенно игнорирует парсонсовскую трактовку символического. Альфред Шютц, напротив, относился к ней весьма уважительно (Schutz 1962: 313, 351). Как бы то ни было, подходы Парсонса к символу и место последнего в трудах выдающегося социолога заслуживают, на наш взгляд, самого пристального внимания.

Как известно, общая система человеческого действия, по Парсонсу, обусловлена комплексом социальных детерминаций в социальной системе, системе личности и системе культуры. Детерминации социального действия носят, безусловно, знаковый характер в построениях американского социолога. Система координат действия предполагает, согласно Парсонсу, «ориентацию одного или более акторов на ситуацию, включающую других акторов. Тем самым, схема единиц действия и взаимодействия является схемой отношений» (Parsons 1951: 4). Парсонс подразделяет мир объектов, входящих в «схему отношений», на «социальные», «физические» и «культурные» объекты. Под социальным объектом подразумевается любой данный индивид, будь это другой (alter), ты сам (ego) или некое сообщество. Физическими объектами являются эмпирические сущности, не вступающие во «взаимодействие» с актором. Наконец, под культурными объектами Парсонсом понимаются «символические элементы культурной традиции, идеи или верования, экспрессивные символы или ценностные образцы, коль скоро они трактуются индивидом как ситуативные объекты и не усвоены как сущностные элементы структуры его личности» (Parsons 1951: 4). Фундаментальным свойством действия является, по мнению социолога, то, что оно не заключается исключительно в ad hoc реакциях на конкретные ситуативные

* Одним из показательных примеров такой практики является недавнее издание труда Парсонса «Социальная система» (Парсонс 2002), в котором, без всяких объяснений со стороны редакторов перевода, просто опущены несколько ключевых глав оригинального издания, в частности, посвященные «экспрессивному символизму» и социальному изменению (Parsons 1951: Chapter IX. Expressive Symbols and the Social System: The Communication of Affect, pp. 384–427; Chapter XI. The Processes of Change of Social System, pp. 480–510). Такая «избирательность» выглядит, по меньшей мере, странно и создает, как нам кажется, во-первых, не вполне адекватное представление о подходах Парсонса, и, во-вторых, лишает русскоязычного читателя возможности судить об одной из интереснейших социологических трактовок символа.

** Понятие «послемидовского» символического интеракционизма является условным. Дж. Г. Мид такой теории не создавал и не разрабатывал. Социологическая институционализация данного подхода и сам термин связаны прежде всего с именем Герберта Блумера, ученика и (не всегда последовательного) интерпретатора Мида.

стимулы. Напротив, актор развивает систему «ожиданий» в отношении различных объектов ситуации. На основании этих ожиданий он и формирует свои действия с учетом собственных потребностей и возможностей их удовлетворения, зависящих от различных вариантов его возможного действия. Разнообразные элементы ситуации, приобретает, указывает Парсонс, особые смыслы для эго в качестве знаков или символов, относящихся к системе его ожиданий. «Эти знаки и символы служат в качестве средств коммуникации, и в тот момент, когда возникает такая коммуникативная символическая система, мы можем говорить о началах культуры, становящейся частью системы действия» (Parsons 1951: 5). Таким образом, делает вывод Парсонс, социальная система состоит из множества взаимодействующих друг с другом в данной ситуации индивидуальных деятелей, стремящихся к «оптимизации удовлетворения», чье отношение к ситуации, и друг к другу в ней, определено и опосредовано системой культурно структурированных и общих символов (Parsons 1951: 5–6). Парсонс уделяет особое внимание чрезвычайно важной проблеме возникновения символов, каковые обладают в его трактовке действительно универсальным характером. Прежде всего, он отмечает тот факт, что даже простейшая ориентация действия на уровне животных предполагает использование знаков, являющихся, по крайней мере, началом символизации. На человеческом же уровне, развивает свою мысль социолог, «определенно сделан шаг от знаковой ориентации к действительной символизации, что является непременным условием возникновения культуры» (Parsons 1951: 10). Отметим сразу же, что замечание Парсонса не является, в общем, очень оригинальным. О знаковом характере отношений в среде животных писал Дж. Г. Мид (Mead 1934: 71, 122, 146–147, 358), не рассматривавший, впрочем, проблему в подобном «эволюционном» контексте. Об этом же говорили и говорят многие зоологи-бихевиористы и нейролингвисты (Norton-Griffiths 1969; Galef 1997). Более того, понятие «культура» в последнее время все чаще применяется и к животному миру как демонстрирующему признаки «распространения образцов поведения через научение», «передачу опыта от поколения к поколению» и «очевидно различия у отдельно живущих популяций поведенческие формы» (Mundinger 1980:183–223; Combs 1996: 11–36). Роль и структура символических систем в социуме рассматривается Парсонсом прежде всего сквозь призму их связи с различными аспектами системы действия и их отношения к коммуникации и культуре. Рассматривая проблему возникновения символов, социолог подчеркивает «социальность» их происхождения. В этом его позиция совершенно совпадает с мнением других исследователей, анализировавших феномен символического*.

* Норберт Элиас, например, также настаивает на абсолютной социальной природе символа, отрицая любое индивидуальное познание и всякие его априорные формы (Elias 1991). Альфред Шютц, в свою очередь, также признавая «интерсубъективность» символа, все же не высказывает достаточно твердого отрицания индивидуального познавательного опыта (Schutz 1962: 344). В символическом интеракционизме коллективность происхождения символического является одним из основных постулатов, и всякая индивидуальность становится таковой только при наличии референтов — «других», или «обобщенного другого» (Mead 1934: 196; Blumer 1969a : 10). Парадоксальной иронией, однако, является то, что данные подходы, отрицая, с одной стороны, всякую кантианскую и неокантианскую «предобусловленность» знания, с другой стороны, фактически подразумевают таковую, когда говорят об исторической и культурной «заданности» социального мира и стихии языка, в которых обнаруживает себя человек.

«Символизация, — подчеркивает Парсонс, — не может возникнуть или функционировать без взаимодействия акторов, и индивидуальный деятель способен усвоить символические системы только через взаимодействие с социальными объектами» (Parsons 1951: 10)*. Чтобы процесс взаимодействия приобрел структуру, значение знака должно быть абстрагировано от частных данной ситуации, подчеркивает социолог. Это значение должно быть стабильным, вне зависимости от вариаций действий как «эго», так и «другого», несмотря на все возможные комбинации их отношений. Парсонс неоднократно подчеркивает необходимость стабильности символических систем, их относительной независимости от частных ситуаций для высокого уровня развития систем человеческого действия. Именно благодаря этой устойчивости и может возникнуть социальная коммуникация как система общепринятых символов, функционирующая в социальном взаимодействии и называемая социологом культурной традицией (Parsons 1951: 11). Макросоциологический подход Парсонса здесь совершенно очевиден. Функциональная система символов напрямую увязывается им с «нормативной ориентацией» действия и представлена как элемент обязательного «упорядочения» реальных ситуаций. Даже самая элементарная коммуникация, доказывает социолог, невозможна без определенной степени приверженности «соглашениям» символической системы, т. е. взаимность ожиданий акторов всегда ориентирована на общепринятый порядок символических значений. Более того, для действительной стабилизации такой системы взаимных ожиданий «эго» и «другой» должны не просто общаться друг с другом, но и реагировать на действия друг друга приемлемым образом. Последнее является также демонстрацией приверженности нормативному образцу, поскольку, как подчеркивает Парсонс, «культура есть не только набор коммуникативных символов, но и комплекс норм для действия» (Parsons 1954: 106). Взаимность ожиданий имеет своим результатом обоюдное усиление мотивации как «эго», так и «другого» к согласованности с нормативным образцом, который и определяет их ожидания.

Интерактивная система предполагает процесс обобщения, доказывает социолог, и не только в общей культуре, через которую вступают в коммуникацию «эго» и «другой», но и в процессе интерпретации действий «другого» в отношении «эго», как проявленных намерений «другого». Это обобщение предполагает, что «эго» и «другой» «договариваются», что их определенные действия являются индикаторами их представлений относительно друг друга. А поскольку эти представления интегрированы с общей культурой, являющейся частью комплекса потребностей «эго», последний чувствителен не только к явным действиям «другого», но и к его представлениям, или аттитюдам. Этот момент рассуждений Парсонса является, с нашей точки зрения, очень важным. Именно здесь, по сути, проходит одна из линий водораздела между подходами струк-

* Считаем необходимым отметить здесь одну досадную переводческую ошибку, допущенную в упоминавшемся выше русском издании «Социальной системы». Во фрагменте, касающемся социальности происхождения символов, переводчик неверно транслировал мысль Парсонса, которая в результате приобрела диаметрально противоположный смысл: «невозможности усвоения символических систем только посредством взаимодействия с социальными объектами» (Парсонс 2002: 82–83). Подобные огрехи, конечно же, недопустимы в академических переводах такого уровня.

турного функционализма и символического интеракционизма. И у Мида, и у Блумера действие является всегда ситуативно продуцированным, как интерпретация явной морфологии конкретных актов взаимодействующих субъектов. Но если Мид все же отдает должное внимание аттитюдам как проявлениям символических комплексов, то Блумер стремится избавиться от них раз и навсегда, изгоняя их не только из символического интеракционизма (в его прочтении), но и из социальной науки вообще*. Таким образом, на стабильность системы и характер ее функционирования, согласно Парсонсу, оказывают воздействие не только действия осуществленные, или актуальные, но и действия предполагаемые, или потенциальные, обусловленные соответствующими представлениями взаимодействующих сторон. В качестве необходимых процессов для поддержания равновесия системы Парсонс определяет, во-первых, размещение и, во-вторых, интеграцию. Под размещением социолог подразумевает «процесс, поддерживающий распределение компонентов или частей системы, совместимое с поддержанием данного состояния равновесия» (Parsons 1954: 108). Под интеграцией им понимаются процессы, благодаря которым «отношения к окружающей среде опосредуются таким образом, чтобы отличительные внутренние признаки и границы системы как отдельной сущности сохранялись перед лицом вариабельности внешних ситуаций» (Parsons 1954: 108). Социолог особо подчеркивает то, что само-поддержание системы есть не только сохранение границ, но и сохранение специфичных отношений частей системы внутри данных границ. Тем самым, само-поддержание предполагает не только контроль над внешними вариациями, но и контроль над тенденциями к изменению, — т. е. к преобразованию специфичного состояния, — идущими изнутри самой системы. Это, согласно Парсонсу, относится в равной мере ко всем эмпирическим сущностям — как к системе личности, так и к социальной системе.

Элемент разделяемой символической системы, служащий критерием или стандартом для выбора среди альтернатив ориентации действия, всегда присутствующих в ситуации, называется Парсонсом ценностью. Все ценности, согласно социологу, являются социально «соотнесенными» и становятся общепринятыми благодаря тому, что обладают скорее культурным, нежели чисто индивидуальным характером. Наряду с этим, ценностные стандарты подразделяются Парсонсом с учетом их функциональных отношений к действиям индивида. Социальная «соотнесенность» предполагает, в своем мотивационном аспекте, оценочное значение для всех ценностных стандартов. Вместе с тем, отмечает социолог, «в первую очередь стандарт имеет отношение к когнитивным определениям ситуации, к «катектическому»**

* Именно это обстоятельство позволяет нам говорить о том, что Блумер фактически является большим бихевиористом и прагматистом, нежели все его теоретические предтечи, утверждая, что «решающее значение имеет не тенденция, не аттитюд, а процесс определения, в ходе которого индивид и формирует собственное действие» (Blumer 1969b: 97).

** От греческого *kathexis* (удерживание, поддержание), термин психоанализа, означающий концентрацию эмоциональной энергии на какой-либо личности, предмете или идее. Парсонс образует прилагательное *катектический* для обозначения ориентации действия, мотивированного эмоциональными факторами (любопытство, интерес, удивление, отчаяние, и т. д.) в отличие от физиологической мотивации когнитивной ориентации и нормативной мотивации ориентации оценочной.

выражениям, или к интеграции системы действия как системы или ее части» (Parsons 1951: 12–13). Ценностная ориентация, таким образом, подразделяется дальше на свои когнитивные, оценочные и моральные стандарты. Ценностные образцы играют, согласно Парсонсу, решающую роль в организации культуры. Последняя отличается от других элементов действия своей способностью к передаче от одной системы действия к другой — от личности к личности через обучение и от социальной системы к социальной системе через диффузию. Это качество культуры, доказывает социолог, обусловлено тем, что она состоит из «способов ориентации и действия», воплощенных в значимых символах. Главное отличие символов, как способов ориентации, от системы потребностей и ролевых ожиданий, заключается, по Парсонсу, в том, что символы, будучи в этом случае постулированными «контролирующими сущностями», не являются в то же время внутренними по отношению к системам, ориентации которых они контролируют. «Символы контролируют системы ориентаций, — пишет социолог, — точно так же, как комплекс потребностей и ролевые ожидания, но они существуют не как постулированные внутренние факторы, а как объекты ориентации (воспринимаемые как присутствующие во внешнем мире, наряду с другими объектами)» (Parsons 1954: 160). Простейшие символы, по мнению Парсонса, привязаны к конкретным системам действия в том смысле, что никакое «внешнее воплощение» не является символом, покуда оно не способно контролировать определенные конкретные ориентации в какой-то системе действия. Это означает, что каждый простейший символ должен иметь свое «соответствующее дополнение» (counterpart) в системе диспозиций потребностей актора, которое бы указывало на данный объект как на символ и ориентировало бы действия совершенно определенным образом. С другой стороны, как считает социолог, сложный стиль ориентации, который может быть назван или комплексным культурным объектом, или сложным символом, может быть сохранен во внешней символической структуре, несмотря на то, что в данный момент он может и не иметь «соответствующего дополнения» в какой-то конкретной системе действия. Это означает, что символы, объективируемые в письме, графике, и пластических репрезентациях, могут быть разлучены с системами действия, в которых они первоначально возникли и, тем не менее, сохранять нетронутыми способы ориентации, которые они представляют, поскольку в тот момент, когда актер ориентируется на них, они вызывают в нем первоначальный сложный стиль ориентации*.

По той же самой причине, указывает Парсонс, сложная внешняя символическая структура, каждый элемент которой имеет свое «соответствие» в диспозиции потребностей нескольких составляющих сообщество акторов, может вызвать примерно одинаковый тип ориентации в любом из тех, кто

* Эти идеи Парсонса перекликаются с «принципом известной безотносительности средства» А. Шютца как элемента внутреннего структурного изменения *аппрезентационных отношений*, при котором «аппрезентируемый объект X, первоначально составлявший пару с аппрезентирующим объектом А, может составить новую пару с объектом В, который, тем самым, будет аппрезентировать X, т. е. станет новым средством «вызова», или «пробуждения» объекта X в сознании познающего субъекта» (Schutz 1962: 303).

однажды ориентировался на данную структуру. Поскольку же конкретным референтом символа является не внешний объект, а скорее способ ориентации, который он контролирует, можно сказать, утверждает социолог, что сложные символы могут передаваться от актора к актору, т. е. от системы действия к системе действия. Другими словами, благодаря превращению в символ способ ориентации может передаваться от одного актора к другому, поскольку физическое воплощение, которым символ обязан ориентации актора, создавшего его, может контролировать (поскольку является символом) примерно те же ориентации в других, ориентированных на него акторах. Именно с символическим контролем ориентаций связано понимание Парсонсом символов как «имеющих скорее внешние «объективные», нежели внутренние «ненаблюдаемые» воплощения» (Parsons 1954: 161). «Создаваться» же символ может, согласно социологу, из собственно социального действия. Иногда символ является результатом действия, а иногда само действие является символом. С другой стороны, поскольку символы являются образцами или способами ориентации и действия и поскольку их референтом является набор ориентаций, они имеют в точности тот же статус, что ролевые ожидания и диспозиция потребностей, таким образом, последние сами могут считаться символами, доказывает Парсонс (Parsons 1954: 161). Чтобы продемонстрировать значение символизации для систем действия, социолог подчеркивает тот факт, что символы, или культурные объекты предполагают «интерперсонализацию» типа абстракции или обобщения, которые характерны для всех стабильных систем ориентации. Действие, по Парсонсу, является обобщенным тогда, когда одна и та же его форма присутствует в различных ситуациях, или в различных состояниях одной и той же ситуации, или осуществляется различными индивидами. Что касается процесса абстрагирования, под ним социологом понимается «не что иное, как создание объектов из области опыта через группирование ситуаций в соответствии с выбранными критериями» (Parsons 1954: 161–162)*.

Таким образом, способ ориентации, по Парсонсу, может быть проявлен в различные моменты как внутри одной и той же личностной системы, так и внутри различных личностных систем, причем систематически, а не произвольным образом, поскольку различные личности, в которых проявляется данный способ ориентации, контролируются одной и той же комплексной символической системой. Тем самым, символизация предполагает «межперсональное обобщение», собственно, способность к которому является сущностью культуры. Эта способность, доказывает социолог, обладает крайне

* Сходные мысли мы находим у Шютца, говорившего о том, что конечная успешность коммуникации предполагает известную степень подобия общих абстракций и стандартизаций в данном обществе и вытеснение мыслительных объектов индивидуального опыта типизированными конструктами общественных мыслительных объектов (Schutz 1962: 319). Данные, явно позитивистские положения серьезно оспариваются Норбертом Элиасом, доказывавшим, что теории формирования понятий в ходе абстракции и обобщения удовлетворяют потребность в объяснении события с точки зрения причин и, следовательно, начал. Между тем как в отношении понятий оппозиция *конкретное/абстрактное*, по его мнению, неприменима, поскольку «все понятия представляют собой не что иное, как нижний или высший уровни синтеза» (Deacon 1997: 57–58).

важным значением в системах действия, в силу того, что предполагает возможность передачи способов ориентации от личности к личности, и отсюда — обеспечивает тот уровень развития, который присутствует лишь рудиментарно среди нечеловеческих видов биологической вселенной. Другими словами, как подчеркивает Парсонс, «коммуникация, культура и системы человеческого действия являются внутренне связанными между собой» (Parsons 1954: 162).

Так же неизбежно связаны, по Парсонсу, и структурные категории всякого конкретного действия. Под последними, как уже говорилось, социолог понимает взаимно организованные когнитивные, катектические и оценочные компоненты. Кратко остановимся на том, что понимает Парсонс под данными определениями. В случае когнитивной ориентации «мотивация действия определена познавательным интересом в ситуации и ее объектах, т. е. актер мотивирован на когнитивное определение ситуации» (Parsons 1951: 13)*. Катектическая мотивация определяется психологическими принципами, в соответствии с которыми актер избирает объект своего действия, и обусловлена его представлениями в отношении данного объекта. Этот тип мотивации является, таким образом, эмоционально детерминированным. В качестве аналога катексиса в парсонсовском понимании, выступает, пожалуй, «воля к значению» Эрнста Кассирера как один из императивов познания и действия**. Наконец, оценочный аспект ориентации связан, прежде всего, с проблемой интеграции элементов систем действия на основе существующих моральных стандартов. Оценочная мотивация предполагает синтез когнитивных и катектических компонентов.

Опираясь на выделенные типы мотивационных ориентаций, Парсонс осуществляет классификацию символических систем следующим образом. Символические системы, в которых доминирующую роль играет когнитивная функция, могут быть названы «убеждениями» или «идеями». Символические системы, в которых приоритет имеет катектическая функция, могут быть названы «экспрессивными символами». Наконец, символические системы, где главенствует оценочная (evaluative) функция, могут быть названы «нормативными идеями», или «регулятивными символами» (Parsons 1954: 163). Тем самым, системы когнитивных символов, по Парсонсу, выступают способами познания, контролируемыми внешними символическими объектами; системы экспрессивных символов выступают способами эмоциональной направленности на предмет, также контролируемыми символическими объектами; и системы ценностных стандартов являются способами оцен-

* Опять-таки представляется необходимым отметить очередной недостаток русского издания «Социальной системы». В данном пассаже переводчик каким-то образом перепутал понятия «когнитивный» и «катектический», употребив вместо первого второе. Видимо, это послужило одной из причин крайне невнятного последующего изложения, в общем-то, достаточно ясной парсонсовской мысли, превратившейся в совершенную тарабарщину: «В познавательном интересе к ситуации и ее объектам точка зрения мотивации заключается в познавательном определении ситуации» (Парсонс 2002: 85).

** В числе других императивов можно назвать «волю к вере» У. Джеймса, «волю к власти» Ф. Ницше и «волю к жизни» А. Шопенгауэра.

ки, которые точно таким же образом контролируются символическими объектами. В свою очередь, тип конкретного действия обуславливается тем или иным приоритетным «фокусом ориентации». Действие, где когнитивные верования имеют преимущество в процессе достижения данной цели, Парсонс называет инструментальным действием. Там, где приоритет имеют экспрессивные символы, действие также называется экспрессивным. Если же главенствующую позицию занимают оценочные стандарты, действие именуется моральным.

Парсонс трактует выделенные им три вида символических систем следующим образом.

Когнитивные символы. Экзистенциальные идеи, указывает социолог, есть интегральная часть системы культуры, являющейся, в свою очередь, интегральной частью систем действия, и находятся в отношениях принципиальной взаимозависимости со всеми другими элементами действия. Конкретная система идей, таким образом, есть результат этой взаимообусловленности. Даже наука, подчеркивает Парсонс, «есть не просто отражение реальности, но селективная система когнитивных ориентаций по отношению к данной реальности, к частям или аспектам ситуации действия» (Parsons 1954: 167). «Факты» являются, по мнению социолога, не «реальностью», а утверждениями относительно реальности, в чем его позиция совпадает с мнением некоторых других исследователей знакового измерения мира*. Когнитивный элемент имеет особое значение для интеграции и согласованности системы культуры, так же как для адаптации действия к требованиям ситуации. Проблема смысла феноменов всегда будет являться крайне важной, поскольку неизбежно и внутренне связана с балансом «удовлетворение — лишение». Тем самым, доказывает социолог, проблематика смысла «содержит суждение об объектах с той точки зрения, благоприятствуют ли они тому, что рассматривается человеком в качестве желательных целей и интересов» (Parsons 1954: 169).

Экспрессивные символы. Системы экспрессивных символов могут быть, по Парсонсу, подразделены в соответствии с классами объектов, по отношению к которым они организуют катексис деятелей. Следуя своей классификации объектов, социолог различает: 1) «оценивающую» (appreciative) символизацию «ответов» природе, примерами чего являются искусство пейзажа и восхищение ландшафтами; 2) оценивающую организацию ответов на существование человеческих личностей, как понятие обожаемой, или прекрасной личности; 3) оценивающую организацию ответов сообществам, например, понятие «хорошей компании»; и 4) оценивающую ориентацию на культурные объекты, такие, как поэзия или математическое доказательство (Combs 1996: 169–170). Экспрессивным символам Парсонс посвящает особенно много внимания в своих работах. Они, с его точки зрения, выполняют

* Сходную идею высказывал Шютц, когда писал о том, что «если аппрезентационное отношение социально одобрено, тогда аппрезентируемый объект, факт или событие является в своей типичности принимаемым на веру элементом мира, воспринимаемого как само собой разумеющийся» (Schutz 1962: 349). Подобные же мысли мы находим и у Элиаса, говорившего о вариативности «конгруэнтных с реальностью» моделей (Elias 1991: 57–58).

три основные функции: а) обеспечение коммуникации между взаимодействующими частями, в данном случае — коммуникации катектических смыслов; б) организация процесса взаимодействия через придание ему ценностного содержания восприятия; в) экспрессивные символы служат в качестве прямого объекта «удовлетворения» (gratification) соответствующей диспозиции потребностей. Прототипом экспрессивного символа внутри контекста интеракции является, по мнению социолога, символический акт. Более того, «в стабильных интеракционных системах все акты обладают до известной степени экспрессивным качеством, все выступают, таким образом, экспрессивными символами, поскольку являются способами удовлетворения диспозиции потребностей эго и, в то же время, знаками, указывающими другому на представления, существующие у эго относительно него» (Parsons 1951: 387). Более того, символами, согласно Парсонсу, являются не только действия эго и другого, но также и их тела как особый класс физических объектов, воспринимаемые в соответствии с их действиями и через такие признаки, как фигура, комплекция тела, цвет волос, черты лица и т. д., включая крайне важный фактор половых различий. К экспрессивным символам Парсонс относит и физические объекты, непосредственно окружающие эго и другого, т. е. образующие данную физическую среду данного процесса взаимодействия, инструментально или как-то иначе воздействующую на этот процесс (самый очевидный пример — одежда). Наконец, к экспрессивным символам социолог причисляет и собственно культурные объекты, также включенные в ассоциативный комплекс. Символические творения не имеют, с его точки зрения, никакой «пользы», помимо их выразительной значимости, т. е. помимо своей катектической сущности в контексте экспрессивного символизма («Искусство совершенно бесполезно», говорил по этому поводу Оскар Уайльд).

Статус экспрессивных символов, доказывает Парсонс, присвоенный объектам и действиям, на которые направлена катектическая ориентация, как и в случае любых других элементов культуры, имеет тенденцию к институционализации, являющейся механизмом символических систем на базе культуры, благодаря чему она обладает способностью к передаче как организованная сущность. Одним из измерений экспрессивного символизма является у Парсонса его отношение с социальными сообществами. Социолог выделяет в этой связи три основных типа символов. К *первому* относятся символы, общепринятые среди различных подсистем данной социальной системы, индивидуальных деятелей или подгрупп, что не предполагает однако наличия неперменной солидарности между ними. Эти символы определяют, так сказать, «общий стиль» этих социальных единиц в рамках того, что является в этом смысле общей культурой. Ко *второму* типу относится символизм данной общности как таковой, определяющий диспозицию потребностей общности, создающий чувство солидарности у ее членов. Принятие символов данной общности является обязательным для членства в ней. К *третьему* типу Парсонс относит коллективные «ритуалы», через которые демонстрируются и регулируются общие моральные представления, или диспозиция потребностей членов данной общности. Во всех этих случа-

ях, равно как и в «простых» диадических взаимодействиях, символическое действие является основой и сердцевинной. Более того, доказывает социолог, «комплекс символических ассоциаций распространяется до аспектов тотального комплекса действия, охватывая конкретные места, здания, события и физические объекты, которые могут, например, служить в качестве ритуальных. Весь ассоциативный комплекс, включая физические объекты, его составляющие, становится, таким образом, объектом катектического восприятия» (Parsons 1951: 398)*.

Велико значение экспрессивных символов и в связи с такой категорией, как «роль», доказывает Парсонс. Особенно отчетливо это проявляется в случае с феноменом лидерства. Общепринятые ценностные представления, являющиеся основой данной общности, всегда проецируются на лидера как на символическое воплощение этих ценностей. При условии достаточной интеграции символического комплекса лояльность данным ценностям, общности и лидеру становятся, по мнению социолога, неразделимыми. Даже «инструментальный» лидер будет выполнять, по крайней мере, какие-то экспрессивные функции. Экспрессивный элемент лидерства обладает как внутренним, так и внешним, репрезентативным аспектом. Позиция и ролевые действия экспрессивного лидера призваны символизировать для внешних наблюдателей природу и принципы солидарности общности, которую он представляет, и организовывать ее отношения с другими общностями. Весьма отчетливо проявляется данный аспект в системе международных отношений. Определенные символические акты, указывает социолог, могут быть исполнены только главой государства, вне зависимости от того, кто в данном государстве обладает «реальной властью». Другой важный аспект, подчеркиваемый Парсонсом, это то, что экспрессивный символизм является трансформируемым и корректируемым феноменом. В этом процессе серьезную роль играют «художник» и «пропагандист», причем действия последнего являются, по мнению социолога, наиболее явными. Пропагандист «сознательно использует имеющийся экспрессивный символизм или создает новые символы для того, чтобы манипулировать общественными представлениями» (Parsons 1951: 412). Любой политический лидер является, по Парсонсу, до известной степени пропагандистом, поскольку обращается к чувствам и мыслям своих избирателей с помощью переопределения ситуации в символических терминах. Что касается «чистого» художника, подчеркивает социолог, то он не ориентирован на прямое воздействие на представления публики, он всего лишь придает форму ее экспрессивным интересам.

* Отметим, что подобное видение символов и символического является гораздо более сложным и диверсифицированным, нежели понимание данного феномена, скажем, в символическом интеракционизме. Более того, эти идеи так или иначе нашли свое эмпирическое приложение в подходе, именуемом «приземленным» («grounded approach»), который вообще-то считается «качественным». Особенно это касается методов «визуальной этнографии», исследующей именно морфологически проявленные, овеществленные признаки ассоциативного комплекса, присущего той или иной общности — здания, собрания, одежду, «места славы», внутреннее убранство, архитектурную организацию пространства и т. д., в общем, набор «экспрессивных символов», принятый в данной социальной общности (см., напр.: Collier 1986; Margolis 1994; Margolis 2000).

Несмотря на это, символические системы, с которыми имеет дело художник, глубоко увязаны с равновесием всей системы аттитудов, говорит Парсонс, поэтому чистое искусство достаточно легко может быть использовано в целях формирования «нужных» общественных представлений*. Таким образом, экспрессивный символизм охватывает у Парсонса практически все сферы социального взаимодействия, основанные на функционировании общественных представлений. Характерно, что экспрессивные символы могут быть как овеществленным феноменом, так и фактом сознания, в трактовке социолога.

Оценочные символы. Система оценочных символов состоит, по Парсонсу, из: 1) подсистемы стандартов для разрешения когнитивных проблем, 2) подсистемы стандартов для разрешения катектических проблем, и 3) подсистемы «моральных» стандартов для общей интеграции различных единиц системы, различных процессов системы, и разнообразных других стандартов, присутствующих в отдельной единой системе. Таким образом, оценочные символы могут, как говорилось выше, быть в свою очередь подразделены на когнитивные, катектические и моральные. Все эти аспекты оценочных символов взаимодействуют в процессе детерминации действия и неотделимы друг от друга. Всякие конкретные моральные ценности, согласно социологу, «могут быть рассматриваемы как прагматическое решение указанных проблем» (Parsons 1954: 170). Моральные нормы, доказывает Парсонс, не являются логически выведенными из систем убеждений или манифестациями систем экспрессивных символов, как не происходят они и из когнитивных или катектических стандартов. В определенной мере они зависят от данных систем, главным же образом основаны на элементах когнитивной, катектической и оценочной селекции альтернатив действия. Важные альтернативы, определяющие проблемы действия, возникают перед актором, считает социолог, «только тогда, когда он, вооруженный своими когнитивными и катектическими символами и стандартами, непосредственно сталкивается с соответствующей, предъявляющей свои требования ситуацией. В тот момент, когда актер развивает общие методы выбора среди данных альтернатив, он тем же самым обретает новый набор упорядоченных норм, каковыми и являются моральные ценностные стандарты» (Parsons 1954: 172). Нормативные переменные играют в этом процессе решающую роль, поскольку они, доказывает Парсонс, как раз и являются альтернативами действия и создают для деятеля проблемы, разрешаемые путем соотнесения с моральными стандартами. Эти проблемы, рассматриваемые Парсонсом в виде оппозиций переменных, представляют собой: 1) основания выбора (или трактовки) объекта, к которому относится ориентация (приписывание-достижение); 2) приемлемость или неприемлемость немедленного удовлетворения через экспрессивное действие в данном кон-

* Парсонс, таким образом, согласуется здесь с идеями К. Маркса, А. Грамши и других мыслителей, говоривших о сознательном формировании общественных представлений со стороны властей предержащих, и предвосхищает идеи «символической власти» и «символического насилия», развитые впоследствии в русле французской социологии Пьером Бурдьё и Патриком Шампанем.

тексте (эффективность-нейтральность); 3) уровень интереса в объекте и обязательств перед ним (специфичность-диффузность); 4) тип нормы, определяющей ориентацию в отношении объекта (универсализм-партикуляризм); и 5) уместность или неуместность коллективных обязательств в данном контексте (ориентация на себя-ориентация на коллектив). Конкретная ориентация действия, подчеркивает социолог, не может столкнуться просто с одной или двумя из этих пар альтернатив. Явно или подспудно, но ориентация получит вызов со стороны всех пяти пар и будет обязана отреагировать во всех пяти направлениях. Вместе с тем, тип сформировавшейся в итоге моральной системы будет характеризоваться доминированием во всех основных классах ситуаций какой-то отдельной комбинации переменных, реализующейся в действиях актора по отношению к различным ситуациям, т. е. относительно различных классов объектов, различных объектов одного и того же класса и одних и тех же объектов в различных условиях. Таким образом, можно сделать вывод о том, что конкретная система оценочных символов (так же, как когнитивных и катектических) всегда является продуктом конкретных социально-исторических условий, т. е. выступает феноменом процессного порядка. Очевидная вариативность конечного «продукта», вместе с тем, не снижает, как нам кажется, ценности сформулированной социологом общей генеративной теоретической схемы.

Таким образом, Парсонс создает и анализирует иерархию когнитивных, экспрессивных и оценочных символов. Как представляется, именно такой порядок далеко не случаен. Прежде всего, обращает на себя внимание сама триадическая структура выделяемых им символов. Социолог, вольно или невольно, следует здесь сложившейся в социальной науке практике рассмотрения знаковых феноменов в качестве тройственных по своему составу*. Выдвижение Парсонсом на первое место когнитивных символов представляется совершенно логичным. Насколько бы «психологическими» ни были императивы познавательного процесса**, в любом случае когнитивный аспект должен предшествовать всем остальным элементам восприятия. «Проблематичная ситуация» как инструментальное основание познания и действия должна сначала попасть в рефлексивное поле познающего субъекта, т. е. стать объектом восприятия, вычлененным из окружающей среды, на который направлены когнитивные усилия человека. Эмоциональное же отношение к объекту познания формируется уже на основании приобретенного первичного знания. Логическая схема Парсонса безупречна, но вместе с тем, как представляется, она является крайне детерминистичной в смысле акцентирования ее прагматистского компонента. «Познанные объекты оце-

* Триадическая структура с характерной частотой обнаруживает себя там, где речь идет о знаковом содержании социальной реальности и ее восприятии. Триаду представляют собой аттитюд (включающий когнитивный, аффективный, и конативный элементы), «семантический дифференциал» (сила, активность, отношение) Ч. Осгуда, «социальное представление» С. Московиси, онтология знака (иколический знак-индекс-символ) Ч. С. Пирса, связка «интересы — категории — метафоры» П. Берка. В качестве триадической рассматривал природу значения и Дж. Г. Мид (Mead 1934: 145–146).

** «Удивление» Аристотеля, «отчаяние» Сартра, «раздражение» Пирса, «принцип удовольствия» Фрейда, «разочарование» Шпенглера и т. д.

ниваются с точки зрения того, насколько они могут помочь человеку получить то, что он желает», — пишет социолог (Parsons 1954: 164). Достижение «удовлетворения» (gratification), таким образом, является, по Парсонсу, главным познавательным мотивом, упускающим, однако, значение собственно познавательной активности субъекта, которая может возникать и без прагматической мотивации. Другими словами, человек может ничего не «хотеть» от познаваемого объекта, однако «оценивает» он его в любом случае. Очевидно, что в символической структуре Парсонса преобладает все-таки аффективный компонент. И «катектические», и «оценочные» символы являются, по сути, элементами одного порядка. И в первом, и во втором случае познание основано на отнесении к существующим представлениям о «должном», будь оно эстетического или морального характера, и все последующее восприятие объекта и отношение к нему обусловлено степенью соответствия «должного» и познанного, т. е. строится на основании эмоционально-сравнительного компонента*. Обращает на себя внимание то, что «действие» у Парсонса хоть и может быть манифестированным (экспрессивными) символами, но в качестве отдельной символической подструктуры не рассматривается, как это имеет место в аттитюде, или «семантическом дифференциале». Тем самым, оговорка Парсонса, что «действие само может быть символом», не получает у него необходимого обоснования и развития, и само символическое содержание действия, таким образом, растворяется в его «мотивационных ориентациях».

Таким образом, Парсонс уделял значительное внимание феномену символического, которое не просто связано у него со структурой, функцией и действием, а является, в действительности, сущностной характеристикой данных феноменов, определяющей их содержание и характер существования. Показательно, что в своих поздних работах социолог, рассматривая последние достижения в науке вообще, главное подтверждение своей теории действия находил именно в связи с ее символическим, знаковым компонентом. Открытия в трех областях знания, по мнению Парсонса, имеют в этом смысле наибольшее значение для теории действия, именно — в микробиологии, лингвистике и кибернетике. В качестве аналоговых, т. е. сопоставимых с символом в его понимании, категорий данных наук социолог определял три: код, программа и посредник (Parsons 1982: 56–57). Сопоставимость с символом и теоретическая конвертируемость данных концептов заключается, доказывал Парсонс, в том, что «эти структуры и процессы имеют дело с организацией и передачей информации, что сопоставимо с акцентом на символы и символические уровни организации смыслов» (Lenski G., Lenski J. 1978: 62). И гены, и «глубокие структуры» (Н. Хомский), и «энергетические уровни» кибернетики выступают, по мнению социолога, аналогами символических структур теории действия, поскольку все они яв-

*Подобным же образом «символическая триада» каждого из указанных выше авторов характеризуется доминированием какого-то одного или максимум двух из выделенных ими элементов, — «деятельностного» (как у Мида, например), «аффективного» (как в случае Осгуда) или «когнитивного» (как у Пирса и Московиси).

ляются способами передачи и использования информационных массивов*. Таким образом, Парсонс обращался к феномену символа на протяжении всей своей творческой жизни. Понимание им природы символического, его функционального содержания и принципов существования характеризуется глубиной и охватом, превосходящим «цеховые» рамки той или иной парадигмы. Именно проблематика символа, присутствующая в трудах социолога, позволяет комментаторам с полным правом говорить о том, что «приписываемой Парсонсу многими критиками абсолютной несовместимости теории социальных систем с идеями бихевиоризма и символического интеракционизма для него самого не существует» (Ковалев 2002: 210). Построения Парсонса обладают чрезвычайной эвристичностью. Вместе с тем, наиболее важен, на наш взгляд, тот факт, что Парсонс впервые в социологии попытался «примирить» символ и со структурой и с действием. В символическом интеракционизме символ все-таки остается категорией только взаимодействия, причем весьма условной и, в сущности, необязательной, как это ни парадоксально. В свою очередь, в феноменологической социологии символ предстает как рафинированная, почти лишенная своего социального содержания категория, рассматриваемая, наряду с другими знаковыми феноменами, в отрыве как от действия, так и от социальной организации. Парсонс не создал обоснованной и глубокой гносеологии символического, однако развитая им онтология символа ставит его в ряд самых выдающихся мыслителей, когда-либо исследовавших данный чрезвычайно сложный и неоднозначный феномен. В этой связи, всякий анализ истории, теории и методологических перспектив социологии символа, конечно же, будет неполным и неудовлетворительным без должного внимания к трактовке символического, данной этим американским социологом.

Литература

Ковалев А.Д. Обновленная версия теории действия и социальной системы // История теоретической социологии. В 4 томах / Под ред. Ю.Н. Давыдова. Т. 3. М.: Канон, 2002.

Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002.

Blumer H. The Methodological Position of Symbolic Interactionism // Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969 (a).

Blumer H. Attitudes and the Social Act // Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969 (b).

Collier J., Collier M. Visual Anthropology: Photography as a Research Method. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1986.

Combs A. (ed.) Changing Visions: Human Cognitive Maps: Past, Present, and Future. Westport: Adamantine Press Ltd., 1996.

* Характерно, что Джерард и Джин Ленски похожим образом рассматривали взаимоотношения символических структур и генетического кода, считая, что «символические системы являются функциональным эквивалентом генетического алфавита, поскольку и первое и второе обеспечивает популяцию средствами приобретения, хранения, передачи и использования информации; оба феномена также являются механизмами процессов изменения в популяции» (Lenski G., Lenski J. 1978: 62).

- Deacon T.W. *The Symbolic Species: The Co-evolution of Language and the Brain*. New York: W.W. Norton & Co., 1997.
- Douglas-Hamilton, I. O. *Among the Elephants*. New York: Viking Press, 1976.
- Elias N. *The Symbol Theory*. London: Sage, 1991.
- Galef B.G., Jr. *The Social Transmission of Acquired Behavior: A Discussion of Tradition and Social Learning in Vertebrates // Advances in the Study of Behavior*. 1976. No. 6.
- Lenski G., Lenski J. *Human Societies: An Introduction to Macrosociology*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1978.
- Margolis E. *Video Ethnography: Toward a Reflexive Paradigm for Documentary // Jump Cut*. 1994. No. 39.
- Margolis E. *Class Pictures: Representations of Race, Gender and Ability in a Century of School Photography // Education Policy Analysis Archives*. 2000. Vol. 8. № 31.
- Mead G.H. *Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: The University of Chicago Press, 1934.
- Mundinger P.C. *Animal Cultures and a General Theory of Cultural Evolution // Ethnology and Sociobiology*. 1980. No. 1.
- Norton-Griffiths M. *The Organization, Control and Development of Parental Feeding in the Oystercatcher // Behaviour*. 1969. No. 24.
- Parsons T. *Action, Symbols, and Cybernetic Control // Rossi I. (ed.) Structural Sociology*. New York: Columbia University Press, 1982.
- Parsons T. *The Social System*. New York: The Free Press, 1951.
- Parsons T. *Values, Motives, and Systems of Action // Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action*. Cambridge: Harvard University Press, 1954.
- Schutz A. *Symbol, Reality, and Society // Schutz A. Collected Papers. Vol. I. The Problem of Social Reality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1962.